

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И МОРАЛИ В ТЕОРИИ Р. ПАУНДА

Статья раскрывает положения социолого-правовой теории права Р. Паунда, касающиеся проблемы права и морали. Проанализирована точка зрения автора на динамику соотношения права и морали, которая зависит от исторического этапа развития права. Сделан вывод, что американский социолог права, утверждая необходимость непротиворечивости права и морали, придерживался идеи о том, что мораль меняется в ходе развития общества, а право должно подстраиваться под нее для обеспечения оптимальной эффективности правового регулирования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 14-17. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

С системой воспроизводства образца (поддержания модели) правовая система взаимодействует посредством разрешения конфликтов и установления справедливости. И в данном случае, по Г. Бредемейеру, особенно важно, чтобы суды не выносили решения, которые являются несправедливыми и неэффективными в существующих условиях. Для этого должна быть гибкость, достаточная для адаптации права к изменяющимся обстоятельствам, новым интересам, различным рискам и обязанностям, вызванным определенными социальными условиями.

Традиционными механизмами, обеспечивающими это, являются «юридические фикции», «право справедливости» и концепции «естественного права». Механизм судебного прецедента, с точки зрения Г. Бредемейера, не справляется с указанной задачей как из-за ограничений, накладываемых законодателем, так и из-за силы самого прецедента (его можно изменить, только опираясь на новые факты или обнаружив ошибки в ранее принятых решениях). И здесь необходимо использовать более эффективные учреждения, новые механизмы, позволяющие быстрее реагировать на изменяющиеся условия жизни общества, на новое содержание понятия «справедливость». По автору, это, прежде всего, суды присяжных и внутренние механизмы в рамках самой правовой системы, т.е. правовые школы, комментарии, критика судебных решений юристами, дискуссии в юридической литературе.

На сегодняшний день авторы выделяют множество функций права. По внутреннему критерию – регулятивную и охранительную, по внешнему – экономическую, политическую, социальную. Кроме того, социологи права отмечают транслирующую, коммуникативную, воспитательную функции. Однако трудно поспорить с тем, что в условиях современного развития общества и государства, распространения международных контактов и формирования международного правового пространства на первый план выходит именно интегративная функция права – функция сплочения внутри отдельных обществ и множества обществ между собой.

Список литературы

1. **Bredemeier H. C.** Law as an Integrative Mechanism // Sociology of Law: selected readings / ed. by V. Aubert. Harmondsworth, 1969.

LAW INTEGRATIVE FUNCTION IN G. BREDEMEYER'S THEORY

Gyul'naz El'darovna Adygezalova, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of State and Law Theory and History
Kuban' State University
gyulnaz_2000@mail.ru

The author shows that one of the most important law functions in modern society is interests harmonization and social cohesion, reveals the position of G. Bredemeyer - one of the American law sociologist T. Parsons's followers – on law as an integrative mechanism, which, while preserving relative autonomy, interacts with political, economic and value social subsystems, and mentions that integrative function implementation must be provided not only by law-making and judicial precedent operation, but also by law practice and legal doctrine formation by lawyers.

Key words and phrases: sociological jurisprudence; structural functionalism; integrative mechanisms; integrative function; judicial precedent; sociological legal comprehension; legal system.

УДК 340.111; 340.114; 340.125

Статья раскрывает положения социолого-правовой теории права Р. Паунда, касающиеся проблемы права и морали. Проанализирована точка зрения автора на динамику соотношения права и морали, которая зависит от исторического этапа развития права. Сделан вывод, что американский социолог права, утверждая необходимость непротиворечивости права и морали, придерживался идеи о том, что мораль меняется в ходе развития общества, а право должно подстраиваться под нее для обеспечения оптимальной эффективности правового регулирования.

Ключевые слова и фразы: социологическая юриспруденция; судебный прецедент; мораль; этика; справедливость; естественное право; примитивное право; строгое право; завершенность права.

Гюльназ Эльдаровна Адыгезалова, к.ю.н., доцент
Кафедра теории и истории государства и права
Кубанский государственный университет
gyulnaz_2000@mail.ru

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВА И МОРАЛИ В ТЕОРИИ Р. ПАУНДА[©]

Дискуссии по поводу права и морали были такими продолжительными и сложными, что два данных социальных института Р. Паунд назвал «юридическими штурманами, которые помогают избежать угрозы кораблекрушения» [4, р. 84].

Р. Паунд ставил решение проблемы соотношения права и морали в прямую зависимость от того, что понимается под правом. Представители юридического позитивизма утверждали, что это совокупность авторитетных правовых предписаний, применяемых в данном виде органами правосудия конкретного места и в определенное время. Сторонники исторической школы склонялись к тому, чтобы считать историю социального контроля историей права. Как видим, позитивисты думали об авторитетном предписании, установленном и приводимом в действие рядом органов политически организованного общества, а сторонники исторической школы права исходили из предписаний, основанных на обычае, возникшем независимо от государства, признаваемых и реализуемых в ходе судебного процесса. Первые видели за правовыми нормами в основном принуждение и давление. Они придерживались мнения, что правовая санкция принудительно осуществляется судебными и административными органами; то, что не имеет за собой такой непосредственной и прямой поддержки со стороны политически организованного общества, не является правом. Вторые обнаруживали санкции в привычке повиноваться, в общественном мнении или отношении, в социальных стандартах справедливости.

По мнению Р. Паунда, представители правовых школ XIX века акцентировали внимание на отдельных элементах сложного понятия «право». Позитивисты рассматривали исключительно совокупность установленных предписаний, как следствие правовой результат вытекал из конкретного набора фактов. Сторонники исторического направления обращали внимание лишь на традиционные положения, определяющие, как разрешать дела и на основе сложившегося обычая применять тот или иной авторитетный правовой материал, дополняя, расширяя, сужая и приспособлявая его в соответствии с жизненными требованиями. Философы (по Р. Паунду, сторонники школы естественного права) главным образом останавливались на третьем элементе, а именно на политико-философских и этических представлениях о цели права и правовых предписаниях, следующих им. Это наполняет правовые нормы новым содержанием, приводит к появлению новых принципов. Философы называли этот элемент права «естественным правом», что послужило началом нового правового течения. Представители исторической школы права выделили вторую составляющую права – обычай. Позитивисты утверждали, что это все не право, а лишь его источники, сырой материал, из которого формируются правовые предписания. Эти три различные точки зрения на право, придающие особое значение трем его элементам, на которые опираются судебные органы, были вызваны потребностями правовой мысли на разных этапах правового развития.

Сегодня правовой порядок – самая эффективная и яркая форма социального контроля. Все иные его средства действуют под влиянием права. Религия, внутренняя дисциплина клана и иных подобных групп, социальные обычаи, которые служили основными методами социального контроля в античности, постепенно уступили свое место регулятивной системе политически организованного общества.

Р. Паунд проследил историю совершенствования права, которая повлияла на появление различных взглядов на соотношение права и морали. В период, предшествующий расцвету политической организации из родовой и религиозной, на начальной стадии правового развития, называемой **стадией примитивного права**, религия, право и мораль не были дифференцированы.

Итак, при недифференцированном социальном контроле право, каким оно представляется сейчас, отличалось наименьшей эффективностью. Так, основной опорой в римском праве выступали религиозные нормы, связанные с верованиями римлян и их долгом перед богами (*fas*), и сложившиеся в обществе обычаи (*bonae mores*). Такие вещи как добросовестность в договорах, выполнение данных обещаний, исполнение соглашений регулировались преимущественно религией и моралью. Когда же право приняло эту функцию на себя, долгое время еще сохранялся прежний порядок. Таким образом, мораль и право имеют единое происхождение, общие корни, которые разошлись в ходе развития общества.

Это расхождение более заметно на **стадии строгого права**. На этом этапе государство, или политически организованное общество, явно господствовало, и право, по мнению позитивистов, окончательно отделилось от других средств социального контроля. Но правовые предписания отличались жесткостью. Право было основным средством защиты и состояло главным образом из процедурных норм, которые четко и твердо устанавливали, какие дела должны рассматривать органы правосудия и в каком порядке.

Р. Паунд отмечал, что с точки зрения соотношения права и морали это был период кодифицированного или кристаллизировавшегося обычая, который, не приобретя достаточной силы, не смог удержаться на завоеванных позициях и был опережен моралью. Древние кодексы и сборники правовых обычаев, служившие основой системы строгого права, требовали простого и точного соответствия фактическим обстоятельствам того или иного дела. Характерной их чертой был формализм. Отсутствовали обобщения, предписания не были настолько общими, чтобы дать возможность в результате толкования выйти за определенные узкие границы.

В результате право в конце данной стадии развития стало высокоаморальным. Оно не воспринимало ничего, кроме четкого соответствия своим нормам и закрепленной в них форме. Моральный аспект той или иной ситуации, поведения был абсолютно не важен. В какой-то степени это привело к возникновению убеждений о том, что позитивное право неизбежно аморально, или что оно не должно принимать в расчет соображения морали, которые отразились в идеях представителей правовых школ XIX века.

На третьей стадии правового развития произошло значительное вливание в право чисто моральных идей извне. Это был **период роста (или расцвета) права** в результате усвоения и приспособления нового материала. В Англии в период расцвета канцлерских судов (которые существовали с XV века вплоть до 1873 года) и права справедливости (*equity*) моральные идеи черпались из казуистического материала и общих представлений лорд-канцлеров, не являющихся судьями по общему праву, о том, что правильно, справедливо, а что нет. Они «были склонны игнорировать предписания суда земного и ориентировались

скорее на голос совести» [1, с. 101], что привело к появлению новых либеральных средств правовой защиты. В континентальной Европе в XVII–XVIII веках подобную функцию выполняли философские идеи, посвященные естественному праву.

Так моральная составляющая проникла в право и вышла на передний план, потеснив нормы общего права. Индивид стал одновременно и моральной, и правовой единицей, утверждал Р. Паунд. А моральная норма должна была, исходя из разумных предположений, стать также и правовой. Все правовые системы на данной стадии отличались последовательным проникновением моральных положений в право, в связи с чем мораль даже без правового подтверждения придавала эффективность правовым институтам. Право должно было совпадать с моралью по всем вопросам. Исходя из сказанного, можно прийти к заключению, что мораль была потенциальным правом. Это, писал Р. Паунд, послужило основанием для «философов права» (сторонников школы естественного права) считать право и мораль тождественными понятиями. Представители же исторического направления, наоборот, восприняли это как доказательство их отличия. Но они в своей теории больше опирались на следующую стадию правового развития.

Во всем мире конец XIX века – это **период завершенности** в развитии права. Многие моральные институты и доктрины, воспринятые на стадии роста права, получили правовое признание. Сформировалась новая правовая система – право справедливости (equity). Справедливые положения облекались в правовую оболочку. Многие из них превратились в строгие, твердые нормы права. Судебные методы XVII–XVIII веков, имевшие административный характер, уступили место тем судебным методам, которые стремились к абстрактному единообразию, формальной предсказуемости разрешения дел и внешней видимости определенности, что вновь привело к противопоставлению права и морали.

На основе этого юристы XIX века полагали, что субъективное право не обязательно соответствует общему представлению о том, что правильно. Как доказывал основатель аналитической школы Джон Остин, законы бывают несправедливыми. А противодействие органам государственной власти не может быть правом, предоставленным законом, но в конкретных обстоятельствах может оказаться добродетельным. И если в каком-либо споре звучат слова «право» и «справедливость», то только отделение права от морали поможет завершить его. Известный позитивист Дж. Остин говорил о «позитивном праве», нормы которого «созданы людьми, обладающими политическим господством, либо частными лицами, реализующими свои правомочия», и о «позитивной нравственности», нормы которой выступают в действительности «мнениями либо суждениями людей относительно правил человеческого поведения» [2, р. 235]. Право, признавал ученый, само по себе может быть аморально, и в этом случае у человека есть моральная обязанность не следовать ему, но при этом оно остается правом.

Все это вновь заставило задуматься о соотношении права и морали, а также о завершенности права. И представители исторической школы права, и сторонники аналитической юриспруденции проводили четкую границу между формированием права и его применением, при этом позитивисты сильно недооценивали роль морали в процессе каждодневного принятия правовых решений.

Мораль – это то средство, к которому можно обратиться, когда все остальное уже не помогает. Если моральные идеи и положения закона – это только сырье, которое суды превращают в право в ходе отправления правосудия, применяя мораль, когда того требуют обстоятельства и закон, то судебные решения по прошлым делам – это материал для настоящего рассмотрения дела судом. Таким образом, суды разрешают дела, руководствуясь источниками права. Это многое объясняет. Для того чтобы понятие «право» имело действительно полезное значение, оно должно включать в себя все достоверные и общепринятые материалы, на которые непосредственно опирается суд в ходе своей деятельности.

Суды до сих пор, замечал Р. Паунд, пытаются выйти из-под бремени строгой правовой нормы и отправлять правосудие исходя из справедливости. Например, он писал о теории эквивалента, касающейся договоров, которые не были заключены в надлежащей по закону форме, не скреплены печатью, однако одна из сторон, требующая вознаграждения, имеет право на его получение по этическим соображениям. И суд может при рассмотрении конкретного дела признать подобный договор (нечто вроде голого пакта «*pacta nuda*», не снабженного иском в римском праве) [3, р. 271–273].

Размышляя рационально, можно осознать, что моральные предписания не становятся авторитетно установленными правовыми предписаниями сразу, как только юристу удастся продемонстрировать, что они этически правильны. Однако нельзя согласиться с тем, что право и мораль практически не совпадают, а правовые нормы не согласовываются с моральными. Не должна норма права быть аморальной и опираться лишь на то, что она закреплена и обеспечена принуждением. Право и мораль могут не всегда совпадать, но первое из них не должно противоречить второму.

Список литературы

1. Романов А. К. Правовая система Англии: уч. пособие. М., 2000.
2. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined // Lloyd D., Freeman M. Introduction to Jurisprudence. L.: Stevens, 1979.
3. Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. New Haven: Yale Univ. Press; L.: Humphrey Milford; Oxford Univ. Press, 1945.
4. Pound R. Law and Morals. Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press; L.: Humphrey Milford; Oxford Univ. Press, 1926.
5. Prof. Fuller L. Law in a Social Context: Liber Amicorum Honouring / ed. by Thomas W. Bechtler. Deventer (The Netherlands): Kluwer, 1978.

LAW AND MORALITY CORRELATION PROBLEM IN R. POUND'S THEORY

Gyul'naz El'darovna Adygezalova, Ph. D. in Law, Associate Professor
Department of State and Law Theory and History
Kuban' State University
gyulnaz_2000@mail.ru

The author reveals the social-legal positions of R. Pound's legal theory concerning law and morality problems, analyzes R. Pound's point of view on law and morality correlation dynamics, which depends on the historical stage of law development, and concludes that the American law sociologist confirming the necessity of law and morality consistency adhered to the idea that morality is changing in the course of society development, and law should adapt to it to ensure the optimal effectiveness of legal regulation.

Key words and phrases: sociological jurisprudence; judicial precedent; morality; ethics; justice; natural law; primitive law; strict law; completeness of law.

УДК 343.9

Статья посвящена некоторым криминологическим аспектам личности медицинского работника, выступающего в качестве субъекта коррупционных преступлений. Автор на основе проведенного анализа уголовных дел рассматривает социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые признаки, характеризующие личность такого преступника.

Ключевые слова и фразы: личность преступника; медицинский работник; коррупционное преступление; криминологический портрет.

Татьяна Александровна Балебанова

Кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права
Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина
malu_g77@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ЛИЧНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ[©]

В отечественной криминологии личность преступника всегда являлась объектом пристального внимания ученых. Значение категории личности преступника определяется тем, что преступление, будучи актом сознательной волевой деятельности человека, в значительной мере обусловлено сущностью и особенностями лица, избирающего подобную форму поведения. Знание личности преступника, умение выявить основные характеризующие ее признаки и свойства являются непременным условием организации и осуществления эффективного предупреждения преступлений [10].

Личность преступника можно определить как личность человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовной ответственности [6]. При этом личность преступника всегда выступает показателем социальной дезинтеграции человека [2].

Познание криминологической характеристики личности медицинского работника, совершающего коррупционные преступления, осуществляется посредством выявления и изучения следующих компонентов, находящихся в определенных взаимоотношениях, предполагающих, что изъятие любого из них разрушает целостность всей структуры личности, а именно:

- а) социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, социальное положение, должностное и семейное положение, материальное положение);
- б) нравственно-психологические признаки (нравственные качества, ценностные ориентации и взгляды, мотивы, волевые свойства, интеллект);
- в) уголовно-правовые признаки (мотив преступного поведения, наличие судимости, степень тяжести совершенного преступления).

При характеристике личности медицинского работника-коррупционера в сфере здравоохранения автором были использованы материалы 127 уголовных дел, переданных на судебное рассмотрение органами следствия, а также рассмотренные Московским городским судом и районными судами города Москвы (Тверским и Останкинским).

Рассмотрим социально-демографическую характеристику.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [12], в 2010 году численность врачей всех специальностей составила 715,8 тысяч человек; численность среднего